

лора взять на себя функцию организатора конкурса.

8. Принять меры по дальнейшему развитию просветительской, информационно-пропагандистской и образовательной деятельности в области фольклора.

С этой целью:

— усилить внимание к разработке учебно-методических программ, методических и учебных пособий, специальных разработок в области фольклора;

— определить перечень наиболее важных программ и учебных пособий по фольклору для различного типа образовательных учреждений. Просить Министерство образования и науки России по мере подготовки выделять специальные гранты на их издание;

— обратиться с просьбой к федеральным и региональным органам культуры и образования повсеместно создавать и поддерживать фольклорно-образовательные, этнопросветительские и фольклорно-творческие структуры, оказывать поддержку инициативным авторским проектам в сфере фольклорной деятельности.

9. Просить Государственный республиканский центр русского фольклора до 1 мая 2014 г. направить данные рекомендации всем заинтересованным организациям, учреждениям, структурам, включая Министерство культуры РФ, Министерство образования и науки РФ и Федеральное агентство научных организаций.

10. Просить Государственный республиканский центр русского фольклора обеспечить подготовку и проведение Четвертого Всероссийского конгресса фольклористов в 2018 г.

11. Опубликовать данные рекомендации в журнале «Живая старина» и научном альманахе «Традиционная культура».

Рекомендации приняты на пленарном заседании Третьего Всероссийского конгресса фольклористов 7 февраля 2014 г.

ОТКЛИКИ УЧАСТНИКОВ КОНГРЕССА

А. Л. ТОПОРКОВ
(Москва)

Для такой большой страны, как Российская Федерация, подобные конгрессы — единственная возможность собрать вместе людей одного профессионального круга. За исключением некоторых незначительных огрехов, Конгресс был прекрасно организован. Представляю, какая огромная работа была проделана, сколько было предварительной переписки, оформления документов и т. п.! Я впервые попал в Вороново и рад, что побывал в таком замечательном месте.

В Конгрессе приняли участие несколько сот ученых и преподавателей из многих регионов России, а также из ближнего и дальнего зарубежья. Случилось так, что я оказался за одним столом с англичанином, работающим в Тарту, с башкиркой и японкой. И это было далеко не единственное место, в котором встретились люди разных национальностей и даже расовой принадлежности. Несмотря на то что не все заявленные участники реально приехали на Конгресс, разнообразие проблематики и широта географии представленных научных центров весьма впечатляют.

В 2013 г. мне довелось участвовать в XIII Международном съезде славистов в Минске и в XVI Конгрессе Международного общества по изучению фольклорных нарративов в Вильнюсе. По масштабу мероприятия Конгресс фольклористов вполне сопоставим с этими крупными международными форумами. Одно из существенных отличий связано с тем, что в Воронове рассматривались не только научные, но и прикладные проблемы, связанные с преподаванием и популяризацией фольклора. Органической частью были показы этнографических фильмов, выступления фольклорных ансамблей, мастер-классы и т. д. На Конгрессе нам показали, в частности, замечательный фильм «Заонежская свадьба: фольклорно-этнографическая реконструкция традиционного культурного ландшафта», снятый совместно фольклористами

МГУ и Государственного историко-архитектурного и этнографического музея-заповедника «Кижи». Это один из многих примеров того, как могут сочетаться друг с другом научный подход к фольклору и художественное творчество. Деятельность фольклористов неизбежно оказывает обратное влияние на само существование фольклорной традиции.

На Конгрессе я познакомился со многими коллегами из Сибири и с Урала, которых задолго до этого знал по публикациям. Кроме этого я познакомился с несколькими молодыми специалистами из разных городов; они только начинают свой путь в науке, но уже сделали важные наблюдения в интересующих меня областях. Надеюсь, что эти творческие связи сохранятся и в дальнейшем.

Развитие нашей фольклористики с начала 1990-х гг. во многом определялось стратегией освоения предметных областей, которые являлись запретными или полузапретными в советский период. Все публиковали фольклор тюремный, политический, религиозный, эротический и т. д. К настоящему времени все эти темы в целом освоены не меньше, чем темы вполне традиционные, и стоят в одном ряду с ними, не вызывая особого ажиотажа.

Многие направления, представленные в программе Конгресса (этнолингвистика, лингвофольклористика, эпосоведение, сказковедение, этномузыкология, структурно-семиотический подход и др.), сложились еще в советский период и успешно развивают научные традиции 1970—1980-х гг. Наряду с ними представлены и новые направления исследований: этнобиология, изучение народной религиозности и магических практик, поведенческих нормативов и народной этики и др. В целом развитие отечественной фольклористики определяется, как мне кажется, несколькими тенденциями.

Общий процесс «антропологизации» гуманитарного знания все больше влияет на изучение устных традиций. Внимание исследователей привлекают не столько сами тексты, сколько их исполнители, функции и культурный контекст. Закономерно, что в центре внимания оказываются не литературо-

ведческие категории рода и жанра, а личность и поведение носителя традиционной культуры.

От поисков мифологической архаики собиратели и исследователи фольклора все больше переключаются на фиксацию и изучение актуального состояния и исторической динамики фольклорной традиции в ее реальном многообразии и взаимном «перетекании» разных жанров. При этом этнокультурная традиция утрачивает свою монолитность и предстает в виде множества локальных, региональных, субкультурных, половозрастных и иных вариантов. СобираТЕЛЬСКАЯ работа переориентируется с фиксации отдельных текстов на фиксацию целостного репертуара исполнителя, его личной и семейной истории, субъективного взгляда на окружающее.

После событий рубежа 1980—1990-х гг. произошел стремительный рост локального и регионального самосознания, что выразилось в подъеме краеведческого движения, повсеместном поиске собственных корней, изучении местной истории. Естественно, что фольклористы из республиканских и областных центров изучают в первую очередь традиции своего края и сотрудничают на этом поприще с диалектологами, этнографами, историками, литературоведами. Фольклор рассматривается при этом как органическая часть региональных традиций, в согласовании с освоением природного ландшафта, образом жизни и ритуальными практиками. Волнующие общество проблемы этнических конфликтов, проживания на смешанных и пограничных территориях, результаты этнических миграций во многом определяют интересы фольклористов.

Фольклористика все теснее смыкается с этнографией, социальной и культурной антропологией, краеведением, микроисторией, социологией, музыковедением, театроведением, музееведением; испытывает на себе влияние устной истории, гендерных исследований, религиоведения. Такой широкий, даже всеобъемлющий подход к предмету фольклористики мне представляется совершенно естественным и правомочным. Социальная востребованность — одна из причин того, почему

фольклористика в нашей стране в такое непростое время продолжает успешно функционировать как академическая и университетская дисциплина.

Внедрение в практику новых технических средств записи, хранения и воспроизведения фольклора создает совершенно новые возможности для его архивизации и представления в виде электронного продукта, доступного через Интернет. Например, запись акта исполнения на видео меняет само представление о сущности фольклорного текста, поскольку фиксируются не только вербальные и музыкальные составляющие, но и вся ситуация исполнения, включая жесты и мимику, костюмы и природное окружение.

Если для современных историков, антропологов, социологов характерны дебаты о методологии, постановка общих проблем, критическая полемика, переходящая подчас в ожесточенные споры, то в фольклористике вопросы методологии, кажется, мало кого волнуют. Чувства сомнения и неудовлетворенности порождаются не научными проблемами, а низкой зарплатой, ожиданиями сокращений и перспективой ликвидации научных и учебных подразделений. Наша наука нуждается в защите и поддержке государства, а вместо этого то и дело становится полем неквалифицированных экспериментов чиновников от науки и образования.

Споры, которые велись на предыдущих конгрессах, о том, что такое фольклор и существует ли он вообще, в настоящее время, кажется, потеряли свою актуальность. Можно назвать тексты устной традиции не фольклором, а как-нибудь по-другому, но от этого мало что изменится. И общая направленность исследований, и их методология существенно меняются с течением времени, только это происходит не в результате методологического давления «сверху», а в силу изменения общей ситуации в обществе и в гуманитарных науках.

Еще одна характерная тенденция современной фольклористики — уменьшение разрыва между наукой в столицах и за их пределами. Мы слышали прекрасные доклады фольклористов из Петрозаводска, Екатеринбурга, Новосибирска, Сыктывкара, Челябинска и многих других городов. Хорошо

это или плохо, но столичные центры во многом переходят на роль координаторов научного процесса и все больше утрачивают функцию генерирования новых идей. Научные школы, которые существуют в других крупных городах, во многих отношениях не уступают столичным, а в чем-то даже их превосходят.

В большинстве случаев традиционные научные центры успешно сосуществуют с новыми институциями, и очень важно, чтобы эта тенденция сохранялась и в будущем. Особую тревогу в этом отношении вызывает судьба региональных центров РАН и вузов в Карелии, на Урале, в Сибири, на Северном Кавказе и в других регионах России. Очень важно, чтобы традиции академической и университетской фольклористики сохранялись и развивались на всей территории нашей страны. Это станет невозможным, если и дальше будет сокращаться учебная нагрузка и финансирование студенческой полевой практики, фактически сворачиваться аспирантура, ликвидироваться советы по защитам и усложняться процедура защиты диссертаций.

Что касается проблем в изучении фольклора: при обсуждении докладов подчас выяснялось, что не все ученые знают о научных работах, опубликованных в последние годы и даже десятилетия. В частности, исследователи из Москвы и Санкт-Петербурга слабо знакомы с литературой, выходящей вне этих городов. Между тем Интернет предоставляет такие возможности, что, даже проживая в удаленном месте, можно следить за издательской деятельностью по всей стране и даже по всему миру.

Система распространения книг и информационного обеспечения существует, но пользоваться ею пока мало кто умеет или не имеет такой финансовой возможности. Например, мало кто из коллег знает о сайтах московских издательств и научных институтов. В качестве примера назову сайт издательства «Индрик» (<http://indrik.ru/>) и сайт Института славяноведения РАН (<http://www.inslav.ru/izdaniya>).

Хотел бы сделать ряд конкретных предложений, касающихся информационного обеспечения нашей науки. Считаю необходимым, чтобы полнотекстовые варианты фольклорно-этно-

графических журналов «Живая старина» и «Традиционная культура» имелись в свободном доступе в Интернете. Это может на порядок увеличить число их читателей и главное — сделает их доступными в удаленных местах земного шара, где вполне могут оказаться любители русского фольклора. Журнал «Антропологический форум» доступен в Интернете и в этом отношении может послужить хорошим примером.

К сожалению, украинские и белорусские периодические издания в России мало известны (киевский журнал «Народна творчість та етнографія» (с 2011 г. — «Народна творчість та етнологія»), львовские журналы «Міфологія і фольклор», «Фольклористичні зошити»). Сибирские и уральские издания также нуждаются в популяризации.

Полезно было бы усилить информационную составляющую фольклорно-этнографической периодики. Хороший пример дает львовский журнал «Міфологія і фольклор», в котором регулярно печатаются аннотации кандидатских и докторских диссертаций и списки публикаций их авторов. Желательно также, чтобы тексты защищенных диссертаций по фольклору и этнографии имелись в свободном доступе в Интернете. Далеко не все имеют возможность покупать их на сайте РГБ.

Хотел бы высказать пожелание, чтобы на следующем Конгрессе была организована постоянная выставка книжных новинок. Имело бы смысл привлечь к участию в Конгрессе представителей издательств, специализирующихся на литературе по фольклору, этнографии, народным промыслам, истории культуры, краеведению и т. д. Такие издательства, кстати, существуют не только в столицах, но и во многих других городах.

В работе Конгресса участвовали представители Украины, Белоруссии, Азербайджана и других республик бывшего СССР. Эти связи желательно поставить на солидную организационную основу. Например, пригласить главных редакторов фольклорно-этнографических журналов из стран ближнего зарубежья, провести с ними круглый стол, а потом подготовить специальные номера журналов (например, в Белоруссии выпустить номер журнала, посвящен-

ный русскому фольклору, а в России — номер, посвященный белорусскому фольклору). Такие взаимные связи можно установить и с периодическими изданиями, выходящими в дальнем зарубежье, прежде всего в славянских странах (Болгария, Сербия, Польша и др.). Хороший пример в этом смысле дает киевский журнал «Народна творчість та етнографія»: ряд его номеров посвящен фольклористике и этнографии в Белоруссии, Канаде, Македонии, Сербии, США и Франции. Следует публиковать больше работ современных зарубежных фольклористов или хотя бы реферировать их исследования.

Недостаточно используются пока возможности изучения региональных фольклорно-этнографических традиций. Например, мало востребованы такие ценные источники, как губернские и епархиальные ведомости. Весьма важен позитивный опыт, накопленный учеными из Петрозаводска. Они не только разместили в Интернете большинство номеров «Олонецких губернских ведомостей» за весь период их издания (<http://ogv.karelia.ru/>), но и создали базу данных «Этнография и фольклор Олонецкой и Архангельской губерний» (<http://ethnomap.karelia.ru/>), в которой выложены этнографические публикации из многих изданий и даже несколько рукописей из архива РГО. Данный сайт важен не только как ценный источник информации по культуре Русского Севера, но и как образец, на который могут ориентироваться исследователи и библиотечные работники из других областных и республиканских центров. Очень желательно, в частности, чтобы в Интернете были выложены также Воронежские и Пермские губернские ведомости как наиболее насыщенные фольклорно-этнографической информацией. В дополнение к таким публикациям следовало бы, по примеру петрозаводчан, создать базы данных по этнографии и фольклору Воронежской, Пермской и других губерний.

Очень ценным библиографическим источником явились бы электронные и бумажные аннотированные библиографические указатели по фольклору и этнографии отдельных регионов России (например, по Архангельской, Вологодской, Воронежской, Пермской

и другим губерниям). Конечно, такие указатели рационально было бы готовить в тех регионах, которым они посвящены, привлекая дополнительно и материалы столичных библиотек.

Перед началом Конгресса мы получили сборник «Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов» (М., 2013) с 16-ю интересными статьями, объединенными в два раздела: «Вопросы теории фольклора» и «Актуальные проблемы фольклористики». К сожалению, никакого обсуждения этих статей на Конгрессе не состоялось. Между тем несложно было бы раздать сборник заранее нескольким специалистам, попросив их познакомиться с текстами и выступить в качестве модераторов. По ряду статей вполне можно было провести специальные круглые столы и потом опубликовать их материалы в периодических изданиях или в Интернете.

Думаю, было бы интересно пригласить на Конгресс крупных специалистов в смежных с фольклористикой областях: историков, лингвистов, литературоведов, искусствоведов, антропологов или социологов. Исторически сложилось так, что новаторские направления в фольклористике подчас возникали в других научных дисциплинах и лишь вторично переносились на изучение устной словесности. Такой путь развития теории фольклора может быть востребован и в наше время: две-три лекции, прочитанные для всех участников Конгресса, могли бы стать запоминающимися событиями.

Изучению современного фольклора было посвящено несколько круглых столов и ряд докладов на разных секциях, однако в целом это направление было представлено на Конгрессе явно недостаточно. Это тем более вызывает сожаление, поскольку в последние годы ГРЦРФ выступал как застрельщик в изучении этой области фольклора. Умение фиксировать актуальную традицию, находясь в гуще событий, — важный тест на уровень профессиональной подготовки. Анализ фольклорных процессов в их динамике дает ценный материал для социологов и даже действующих политиков, позволяет осуществлять наблюдение скрытых процессов, протекающих в общественном сознании.

Наша фольклористика пережила период неопределенности 1990-х гг. и с честью вышла из него, обогатившись содержательно и организационно. Как отразится на фольклористике наступление псевдореформаторов от науки и образования и каков будет результат сомнительного реформирования РАН, других научных учреждений и вузовской науки? Будущее покажет. Пока же можно констатировать, что декларируемые цели и предпринимаемые реально шаги находятся в кричащем противоречии друг с другом.

Е. М. БОГАНЕВА
(Минск, Республика Беларусь)

Для меня главные итоги Конгресса — это совокупность нескольких важных аспектов, а именно: обмен информацией о современном состоянии и направленности фольклористических, этнолингвистических, этнофольклорных и других исследований среди коллег Российской Федерации, отчасти Украины и Казахстана; личные встречи с коллегами, которые сейчас находятся по разные стороны государственных границ, но с которыми имеются давние и прочные контакты; обсуждение (как на секциях, так и в кулуарах) некоторых важных теоретических вопросов (в частности, теории жанров, классификационные подходы, принципы составления указателей и т. п.); знакомство с новыми публикациями. Словом, совокупный итог можно выразить как расширение информационного поля в профессиональной области, и значение этого итога трудно переоценить. Ведь не секрет, что последние 20 лет обмен информацией, знакомство с теоретическими работами, полевым материалом, обсуждение перспектив совместных исследований, публикаций и т. п. возможен только через непосредственные контакты, личное и профессиональное общение. Конгресс фольклористов был чрезвычайно плодотворным во всех этих отношениях, а также предоставил, как это обычно бывает на подобного рода мероприятиях, возможность новых интересных знакомств, обмена мнениями, книгами, периодическими изданиями.

Ну и, конечно, главным итогом Конгресса стал сам Конгресс — как крупнейшее, сопоставимое со съездами славистов научное мероприятие, объединившее исследователей всех направлений и проявлений традиционной классической и современной фольклорной культуры.

Уже неоднократно говорилось о безусловных достоинствах таких масштабных мероприятий: широкий охват и представительство разных регионов и стран, научных направлений, школ, течений, возможность слышать разные, порой диаметрально противоположные точки зрения на один и тот же предмет, охват большого количества объектов, дисциплин, смежных наук и т. п. Вместе с тем каждый участник Конгресса сталкивался с насущной проблемой: как оказаться одновременно в двух (а лучше трех) разных местах, аудиториях, секциях, круглых столах, презентациях? И поскольку данная дилемма неразрешима и нужно было выбирать что-то одно, в крайнем случае два, я, решив, что невозможно объять необъятное, сосредоточилась на секции № 31, посвященной вопросам изучения несказочной прозы, с редкими «вылазками» в секцию № 3 — изучения локальных культур, интересующую любого исследователя-полевика, и секцию № 17, посвященную народной вере (тем более часть докладов там была посвящена «народной Библии»). Исходя из этого о проблемах, поднятых на Конгрессе, решенных и нерешенных, могу судить из достаточно ограниченного материала впечатлений, полученного на названных секциях.

Что касается исследования несказочных жанров народной прозы, то, судя по работе секции, в этой области все еще проходит этап накопления, описания, сравнительного изучения текстов в разных национальных и региональных традициях. Этот этап еще не исчерпан, т. к. до сегодняшнего дня активно ведутся полевые исследования, происходит активное пополнение национальных и региональных сводов народной прозы, записываются типичные для данной традиции и уникальные тексты, исследователи объективируют свои наблюдения над состоянием и бытованием традиционной сельской культуры

в конкретных местах и регионах и т. д. (и это при том, что само поле крестьянской классической традиции ежегодно неуклонно сужается с уходом старшего поколения носителей). Как заметил А. К. Байбури на Первом Всероссийском конгрессе фольклористов, «городская культура — замечательно, но, как это ни странно, огромной неисследованной сферой остается сельская культура. <...> Сегодняшняя, актуальная сельская жизнь представляет собой почти сплошное белое пятно»¹. Тогда же, на Первом Конгрессе А. К. Байбури обозначил и связанную с этим тенденцию, которая за прошедшие восемь лет, похоже, мало изменилась: «Ситуация тотальной “инвентаризации” тех явлений, которые подлежат описанию, повлекла за собой резкое расширение числа описываемых явлений. <...> Уверен, что на смену описательной стратегии рано или поздно вновь придет объяснительная, поскольку фрагментаризация предметной области не может продолжаться бесконечно. Но до этого предела еще далеко, а в настоящий момент это расширение предметной сферы имеет, безусловно, позитивный смысл»².

Вместе с тем сегодня очень остро встают нерешенные теоретические вопросы в области несказочной прозы, которые можно разделить на вопросы терминологии, вопросы классификации и вопросы методологии.

Вопросы терминологии начинаются с самого определения рассматриваемой части народной прозы как «несказочной», хотя, как заметил когда-то К. В. Чистов, несказочная проза — «это, конечно, не термин, а негативное описательное словосочетание»³. Проблемы классификации народной прозы периодически поднимаются исследователями — как в «отрицательном», так и в «положительном» аспектах (А. А. Панченко, Т. Н. Дианова, И. К. Феоктистова и др.), но специально эта проблема не рассматривалась ни на секциях пос-

¹ Байбури А. К. Фольклористика и этнография сегодня // Первый Всероссийский конгресс фольклористов: Сб. докладов. Т. III. М., 2006. С. 28.

² Там же. С. 28.

³ Чистов К. В. Прозаические жанры в системе фольклора // Прозаические жанры фольклора народов СССР: тезисы докладов. Минск, 1974. С. 18.

ледного Конгресса, ни на пленарных заседаниях предыдущих Конгрессов, ни на круглых столах. Между тем этот вопрос имеет кроме общетеоретического чисто прикладное значение: при формировании сборников текстов любой составитель сталкивается с насущной проблемой таксономии (так же как в последующем читатель, который будет нацелен на поиск необходимой ему конкретики). И при всем понимании условности границ жанров исследователь вынужден приспособить к своему материалу какую-либо существующую классификацию либо предложить свою, притом главная задача, решаемая любой классификацией, быть максимально удобной, операциональной и, насколько это возможно, не противоречивой и не перекрещивающейся в своих основаниях.

Методологические проблемы фольклористических исследований в целом, из которых выводятся и методологические проблемы исследований неслучайной прозы, подробно рассмотрены в статье А. Ю. Брициной в сборнике «Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов»⁴, поэтому их нет нужды перечислять здесь.

В дальнейшем было бы чрезвычайно полезно и актуально уделить более пристальное внимание данным аспектам исследований.

Хочется поблагодарить организаторов Конгресса за прием, организацию и в целом блестяще проведенное интересное, значительное мероприятие, а также пожелать продолжения этой начинающейся традиции периодического проведения конгрессов фольклористов.

Л. К. ВАХНИНА
(Киев, Украина)

Важно, что состоялся широкий межкультурный диалог фольклористов разных регионов России с представителями ближнего и дальнего зарубежья по обсуждению актуальных проблем со-

⁴ Брицина А. Ю. Украинская фольклористика начала XXI века: проблемы методологии исследования и методики полевой работы // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. статей. М., 2013. С. 98—112.

временной народной культуры, а также координации научных исследований, открыв новые возможности для сотрудничества на разных уровнях: от обмена информацией до подготовки совместных публикаций. Фольклористы различных научных центров получили возможность не только апробировать результаты своих исследований на престижном научном форуме, но и детально ознакомиться с достижениями российских фольклористов, исследования которых всегда занимали одно из ведущих мест в славянских странах. Развитию народного творчества и традиционной культуры, как мы убедились на Конгрессе, безусловно способствует культурная политика России, поддержка Министерства культуры, возможность развивать традиционную культуру не только в центре, но и на местах. Это подтверждает географическая составная участников Конгресса из России.

Наметилась тенденция к изучению локальных традиций и региональной специфики фольклора, своеобразных «фольклорных островов», где и сегодня сохраняется фольклор народов, живущих в иноэтническом окружении далеко от своих метрополий. Определение идентичности, концептов «свой» — «чужой» является актуальным для многих народов особенно в контексте современных глобализационных процессов, демографических проблем и миграции населения. Использование в фольклористических исследованиях методов разных наук, некоторый отход от филологического анализа к этнологическому и культурологическому; обращение к использованию современного фольклора в Интернете, которое стало популярным, однако за средством не потерять бы цель....

Работа Конгресса, благодаря сотрудникам Центра русского фольклора и поддержке Министерства культуры России, была организована на высоком уровне. Четко и слаженно работал оргкомитет, тематика секций отобразила всю палитру современной фольклористики не только России, но и других стран — Азербайджана, Болгарии, Белоруссии, Италии, Литвы, Польши, США, Украины, Японии. Знаковыми для многих участников стали презент-

тации научных изданий, которые часто остаются в своих регионах, таких как Алтай, Сибирь, Дальний Восток или Башкирия. Обмен публикациями и возможность ознакомиться со своими идеями коллег в разных научных центрах, несомненно, даст свой положительный эффект для перспективных планов и совместных проектов.

Особо хотелось бы отметить огромную организационную работу В. Е. Добровольской, которая, несмотря на занятость, старалась всегда оказать внимание каждому приехавшему на Конгресс.

Заслуживает положительной оценки культурная программа, возможность ознакомиться с фольклорными коллективами, народными промыслами, показами фольклорных фильмов, возможность личного общения с руководителями фольклорных коллективов, что позволит расширить географию их гастролей. Так, мы планируем в будущем пригласить на фольклорные фестивали в Украину ансамбль из Новосибирска.

Актуальной и дальше остается проблема сохранения нематериальной духовной культуры в соответствии с конвенциями ЮНЕСКО. Не менее важно уделять внимание истории науки, подготовке энциклопедических изданий и словарей. Это подтвердила работа секции по истории науки (руководитель — А. Л. Топорков). Кроме традиционного фольклора необходимо продолжать собирание современного среза народного творчества, в частности городского и студенческого фольклора. Показательным был круглый стол, посвященный простейшему фольклору (руководитель — А. Б. Мороз), который вызвал после докладов дискуссии среди российских, украинских, болгарских, литовских и американских фольклористов.

Между конгрессами стоит проводить тематические семинары и конференции, которые будут способствовать постоянным контактам. Следует шире обмениваться информацией о новых научных изданиях, выставляя их на сайтах.

Однако над всеми нами нависает угроза отсутствия финансирования полевых исследований или даже существования самой специальности *фольклористика* или *этномузыкология* в высших учебных заведениях, что ведет

к сокращению часов или даже ликвидации целого направления. Многих фольклористов беспокоят вопросы о возможностях реализации научных изданий и сборников, осуществленных на государственные средства, что является актуальным как для России, так и для Украины и других стран СНГ.

В. А. ПОЗДЕЕВ

(Киров)

Закончил свою работу Третий Всероссийский конгресс фольклористов. Хотелось бы подведения итогов этого форума.

Необходимость осмыслить «комплексность» в исследованиях народной культуры показывает Программа Конгресса. 31 секция Конгресса охватила весьма многочисленные аспекты: от исследования локальных традиций до этнокультурного образования (детский сад — институт).

В докладах, заявленных на Конгрессе, рассматривалась специфика устной и письменной традиции, различные тексты городского фольклора и традиции субкультур, музыкальный и хореографический фольклор, декоративно-прикладное искусство, фольклор в жизни и на сцене, другие аспекты теоретического изучения состояния народной культуры.

Многие исследователи довольно давно говорили о комплексном подходе к народной культуре и в частности к фольклору. Однако все-таки в центре этой методологии стояла проблема историко-культурных, этнических традиций, закреплённых в жанрах и текстах (в широком понимании этого термина). Проблемы, которые были сформулированы и выносились для обсуждения на Третьем Всероссийском конгрессе фольклористов, в основном были опубликованы в сборнике «Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов». На наш взгляд, современное состояние фольклористики позволяет несколько переориентировать направление изучения на «антропоцентрическую» методологию. Это направление довольно четко обозначено в статьях Т. В. Володиной (Минск), А. Ю. Брицовой (Киев).

В Программе были обозначены три секции: «Поведенческие нормативы и народная этика», «Фольклор: общее знание, общее чувство, общее место» и «Магические практики», доклады в которых так или иначе были сосредоточены на «антропологических» аспектах. В то же время надо отметить, что и в других секциях доклады не были оторваны от «антропологических» основ фольклора. Особо следует выделить секцию «Язык фольклора». Уже в статье А. Т. Хроленко «Лингвофольклористика в начале XXI века. Проблемы и тенденции» ученый намечает четыре маршрута, одним из которых является кросс-культурное исследование фольклорного слова. И все-таки для лингвофольклористов текст является главным предметом анализа.

На наш взгляд, ни в одной из статей сборника «Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов» не было предложено принципиально новой методологии изучения фольклора. На современном этапе фольклористики, когда собран огромный материал как традиционного, так и современного фольклора, когда наблюдается кризис методологии, когда структурные и семиотические методы почти исчерпали свои возможности, именно когнитивно-коммуникативный аспект исследования представляет большой методологический и теоретический интерес.

Теоретически ново и продуктивно суждение С. Ю. Неклюдова о культурной памяти народа, о текстообразовании и «технологии» устной трансмиссии. Итогом его статьи является своеобразный призыв: «Дальнейшее изучение механизмов сохранения “культурной памяти” в устной традиции, как и связанных с этим закономерностей фольклорной текстуализации, по-видимому, должно происходить на междисциплинарном поле, с использованием инструментария общей психологии и физиологии высшей нервной деятельности»⁵.

⁵ Неклюдов С. Ю. Культурная память в устной традиции: историческая глубина и технология передачи // Навстречу Третьему Всероссийскому конгрессу фольклористов: Сб. науч. статей. М., 2013. С. 14.

Если же сформулировать одну из задач современной фольклористики, то можно сказать: сегодняшняя задача фольклористики «от текста и этно-культурной истории фольклора к человеку фольклора, к его психологическим основам и связям».

В психологии давно выделились два направления: кросскультурная психология и этнопсихология. Современные исследователи этнопсихологии как развивают социальный взгляд на психические процессы, так и выясняют зависимость этнопсихологии от типа деятельности и характера культуры, а также от особенностей психики и поведения отдельного члена этнических сообществ. Однако ни этнопсихология, ни социальная психология не раскрывают всех особенностей творческого процесса создания и бытования фольклорных текстов. Поэтому возможно предложить новое направление в фольклористике, которое сочетает в себе традиционные методы изучения фольклорного текста с возможностями социальной психологии, этнопсихологии, кросскультурной психологии. Психофольклористика (ПФ) — это раздел фольклористики, изучающий психологическое в системе фольклорного сознания и проявление его в продуктах деятельности индивида и социально-культурного сообщества (текстах, событиях, ситуациях). Объектом ПФ является совокупность психических проявлений в фольклорно-этнографических текстах, событиях, ситуациях. Целью ПФ является описание и объяснение особенностей порождения и функционирования фольклора как совокупности этно-, лингво-, культурно-, психологических феноменов с учетом сложного взаимодействия внешних и внутренних факторов носителя фольклора (индивида) при изначальной включенности его в социально-культурные взаимоотношения и взаимодействия.

Сочетание «психо» и «фольклористика» указывает на специфику, которую необходимо определить в явлениях, связанных с народным творчеством. Существование различных фактов народной культуры, в которых отразились как коллективные, так и индивидуальные психологические про-

цессы, требует знания и психологии, и фольклористики — науки, изучающей закономерности истории и поэтики фольклора. Исследование пограничных проблем психологии творчества, массового и этнического сознания, социальной основы народной культуры включает в процесс изучения многие науки: психологию творчества, возрастную психологию, социальную психологию, этнопсихологию, психолингвистику, лингвокультурологию, межкультурную коммуникацию и др.

Проблемы, которые наиболее актуальны и интересны для психофольклористики:

1. Психология фольклорного автора/исполнителя;

- механизм понимания, запоминания и продуцирования текста;
- процесс порождения текста;
- механизм овладения традицией и особенности становления и функционирования традиции;
- ментальный тезаурус автора/исполнителя.

2. Психология фольклорного восприятия (слушателя/читателя);

- механизм понимания фольклорного явления/текста;
- механизм восприятия фольклорного текста со слуха;
- роль контекста при восприятии;
- уровни репрезентации в памяти фольклорных текстов и построение ментальных моделей содержания текста (образ/картина мира).

3. Этнокультурная специфика фольклорной коммуникации;

- взаимодействие языка и культуры, языковых картин мира;
- психология невербальных коммуникаций;

4. Психология собирателя и исследователя фольклорных явлений;

- психология общения исполнитель — собиратель;
- ситуативная психология (психология интервью, общения с коллективом и т. п.);
- психологические аспекты интерпретации/исследования фольклорных феноменов;

— психология восприятия массовым и научным сознанием фольклорных феноменов.

5. Психология индивидуального и коллективного.

6. Синхроническое и диахроническое развертывание проблем изучения фольклорно-этнографических феноменов.

7. Психология повседневного и сакрального, праздничного.

8. Акмеология фольклорного сознания (стремление к идеальному в форме и содержании).

9. Психогигиена фольклорных феноменов (устранение факторов, вредно отражающихся на психике человека во время труда, быта, в семейной, половой жизни, во время военных действий, умственного труда, отдыха и т. п.).

Весьма актуальным является объединение усилий психологии и фольклористики для всестороннего и целостного изучения психических составляющих фольклорного сознания и творчества. Психофольклористика является таким направлением, которое соединит уже наработанные методики исследования сознания в психологии и психолингвистике с исследованием проблем фольклорного сознания. Ряд тестов, экспериментов в стационарных и полевых условиях позволит выработать валидные теоретические положения, способные объяснить природу фольклорного текстообразования и восприятия, психических процессов и состояний, возникающих при исполнении/восприятии фольклорных произведений. Еще одной важной проблемой, которую решает данная методология, является рассмотрение фольклорного текста как текста, отражающего не только прецедентные феномены в народной культуре, но и психологические состояния, стереотипы, реализуемые в клише или «общих местах».

Это сложные задачи. Однако в современных условиях все больше развивается индивидуальное начало в народном творчестве, поэтому необходимо исследовать психологию творческого процесса. Эти аспекты исследования, на наш взгляд, позволят выявить многие закономерности как возникновения новых форм творчества, так и новых текстов/произведений, а также трансформации их в другие сферы (на сцене, театре, кино, СМИ, Интернете).

А. Х. ГОЛЬДЕНБЕРГ
(Волгоград)

Главным итогом Конгресса явилось для меня убеждение в том, что фольклористика может стать едва ли не самой востребованной областью современного гуманитарного знания, ибо она имеет дело как с устоявшимися формами традиционной культуры, так и с теми живыми процессами, которые идут в различных сферах социальной и культурной жизни общества, народным творчеством во всем многообразии его видов и субкультур.

Очевидным становится расширение поля междисциплинарных исследований в фольклористике за счет тесного взаимодействия с этнолингвистикой, антропологией, культурологией, музыковедением, литературоведением, искусствоведением и целым рядом других научных дисциплин. Показательным примером может служить появление в программе Конгресса секции этноботаники.

Еще одной заметной тенденцией современной науки о фольклоре стал возросший интерес к изучению механизмов формирования локальных традиций и культур в XXI в.

Уменьшилось, по сравнению с предыдущими конгрессами, количество докладов по проблемам фольклорно-литературных отношений. Возможно, это следствие кризиса теоретической мысли в данной сфере научных исследований. Необходимы и новые подходы, и развитие плодотворных теоретических положений, сформулированных в не столь далеком прошлом. По-прежнему сохраняют свою актуальность методологические идеи Д. Н. Медриша, суть которых заключалась в том, чтобы ввести в изучение литературных текстов приемы и методы, используемые фольклористами, а литературоведческие и искусствоведческие методики — с учетом новой специфики — в сферу фольклористики.

Весьма перспективной видится и представленная в материалах Конгресса концепция В. В. Головина и О. Р. Николаева, основанная на изучении фольклоризма литературы с учетом прагмати-

ки взаимодействия между литературным текстом и читателем, которому предлагаются разные типы и формы репрезентации фольклора. Эти прагматические модели, как показывает наш опыт, выявляют свою продуктивность не только при изучении произведений русской классической литературы, но и в сопоставительном анализе поэтики современного фольклора и литературы постмодерна.

К. В. ЯДАНОВА
(Горно-Алтайск)

Надо отметить, что Конгресс прошел на высоком уровне. В нем приняли активное участие ведущие фольклористы из разных стран и многих регионов Российской Федерации. В ходе работы секций наметилось междисциплинарное исследование фольклора (лингвофольклористика, этнобиология, «музыкальный фольклор и этномузыкология», «песня как объект междисциплинарных исследований», народная этика и др.) и более глубокое изучение фольклора по жанрам («проблемы и перспективы изучения сказочной традиции», «вопросы изучения фольклорной несказочной прозы», эпическое наследие и т. д.), выявилась тенденция составления специалистами систематических указателей фольклорных сюжетов (их вариантов, версий) и мотивов, а также на Конгрессе представился случай обмена опытом между специалистами по фольклору: практиками и теоретиками, выдающимися исследователями и начинающими, молодыми учеными.

В ходе Конгресса была вынесена для обсуждения проблема оцифровки и архивации фольклорных материалов, сохранения рукописных фондов, аудио- и видеозаписей; проблема преемственности фольклорной традиции от старшего поколения к молодому; разграничение фольклора на современный и традиционный, на деревенский и городской.

Предложение: Программа Третьего Конгресса фольклористов составлена грамотно и подробно, хотелось бы в будущем узнать побольше информации

об участниках (название организации, где работает участник).

Хочу поблагодарить и поздравить организаторов с успешным проведением Третьего Всероссийского конгресса. Пожелать крепкого здоровья и творческих успехов! До встречи на Четвертом Конгрессе!

КАОРИ ЮНОКИ-ОИЭ

(Осака, Япония)

У меня много впечатлений от Конгресса и, соответственно, итогов. А здесь я высказываю мнение только о своей секции.

На этом Конгрессе я попыталась собрать исследователей и практиков балалаечной игры молодого поколения (80-х гг. рождения). Как на секции неоднократно было озвучено, балалайка является неоднозначным инструментом: с одной стороны, считается символом русской культуры, представляя страну, а с другой — ее исследованию мешает своеобразное внутрикультурное представление о ней. Чтобы разработать методы изучения этого непростого предмета, нужно было просто собраться и поговорить, что и как можно исследовать. Благодаря пониманию важности этой задачи экспертным советом удалось собрать специалистов и сочувствующих. Поскольку до этого такой попытки не было, думаю, что сам факт нашей встречи уже можно считать итогом. За это участники секции и я признательны Оргкомитету.

Что касается содержания докладов, то, на мой взгляд, нас ждут только улучшения, всем нужно учиться и развиваться, ни в коем случае нельзя быть довольными уровнем настоящего времени. Если это правильно поняли участники и слушатели (среди которых были и молодые), то можно сказать, что моя вторая задача выполнена: дальше сами сделаем лучше. Надеюсь, что моя попытка стала поводом для дальнейшего развития молодого поколения в научной и практической областях балалаечной культуры.

Поскольку угасание традиций стало виднее и серьезнее, более надежным представляется историческое исследо-

вание, где источниками служат материалы не настоящего времени, а предыдущего, которые были собраны в 70—80-е гг., но не были использованы в научной работе. Слышала, что таких много. Как раз в ГРЦРФ начался проект составления Единого каталога этнографических материалов, который даст исследователям возможность составить более целостную картину исследуемой местности или предмета. Думаю, что такой подход — правильный и актуальный, и в этом один из путей развития фольклористики.

Проблема несоответствия потенциала предмета исследования и способа его раскрытия есть всегда, но в этот раз она проявилась особенно среди молодых исследователей. По сравнению с советским временем, сейчас у молодых гораздо больше возможностей ознакомиться с разными дисциплинами и источниками за счет Интернета, чем у предыдущих поколений. А почему-то старшие ищут способы довольно активно, но со строгостью, а молодые (хоть и не все) совершенно спокойно изучают мелко: у молодых сам предмет говорит больше, чем докладчик. С чем это связано, я не знаю, но, кажется, что не с возрастом. Судя по моим впечатлениям со стороны, ответ на выход из постмодернистского кризиса находит старшее поколение.

Ю. Е. БЕРЁЗКИН

(Санкт-Петербург)

Как и любое научное «мероприятие», Конгресс фольклористов есть прежде всего место, где можно познакомиться с людьми, что-то от них узнать и чему-то их в свою очередь научить. Я вот, например, узнал, что вепское название *Плеяд* — «утиное гнездо». Русское заимствование не исключено, но все же это скорее исконное обозначение. Десять лет пытался это узнать и, казалось, всех специалистов по вепсам спрашивал, а вот оказалось, что не всех. Но дело не только в научной информации — поговорить о том, кто как живет и что думает, тоже интересно. Организован же был Конгресс хорошо, так что большое спасибо.